

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(571.53)''18''
ГРНТИ 03.23.55

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ РАСКОЛ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА КАК ФАКТОР КРИЗИСА ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ РОССИИ

Окончание. Начало в № 3 (58)–4 (59)/2025 г.

Часть третья

Старообрядчество как фактор формирования
духовных основ национального самосознания
современной России

Д.В. Кузнецов

*Университетский колледж аграрного бизнеса
Омского аграрного университета им. П.А. Столыпина
Россия, 644080, г. Омск, ул. Партизанская, 8/1*

В третьей части автор поднимает вопрос о том, в каком периоде тысячелетней истории России искать основополагающие ценности русского народа. Он утверждает, что русская национальная идея воплощалась в старообрядческой среде. Деятельность старообрядцев опиралась на духовную традицию Древней Руси, она, по мнению автора, может служить России ориентиром в модернизации общества.

Ключевые слова: ценности западного мира, православие, Древняя Русь, стабильное существование государства, экономическое развитие и ценностные установки, модернизация и духовность, обращение к духовным корням

THE WORLDVIEW SPLIT OF THE SECOND HALF OF THE 17TH —
FIRST QUARTER OF THE 18TH CENTURIES AS A FACTOR
IN THE CRISIS OF PUBLIC CONSCIOUSNESS IN RUSSIA

Part three

Old Believers as a factor in the formation of the spiritual foundations
of national self-identification in modern Russia

D.V. Kuznetsov

*The university college of agribusiness
of the Omsk state agrarian university named after P.A. Stolypin
Russia, 644080, Omsk, Partizanskaya st., 8/1*

In the third part, the author raises the question of which period in Russia's thousand-year history is best to examine the fundamental values of the Russian people. He claims that the Russian national idea was embodied among the Old Believers. The activities of the Old Believers were based on the spiritual tradition of Ancient Rus'. According to the author, it can serve as a guide for Russia in the modernization of society.

Keywords: Orthodoxy, Ancient Rus', stable existence of the state, economic development and value systems, modernization and spirituality, turning to spiritual origins

Среди захватившего нас водоворота, когда рушатся старые, привычные формы жизни и назревают неведомые новые и когда вместе с тем испытывается крепость человеческого духа, мы сознаём необходимость строгого различия вечного от временного, абсолютного от относительного. Необычность жизни, её расшатанность и зыбкость, новизна жизненных условий требуют от нас сочетания величайшей, непоколебимо стойкой преданности вечным началам, подвергаемым поруганию и сомнению, с духовной широтой и свободой, с чутким, непредвзятым отношением к реальному складу жизни и её нуждам.

Семён Франк. «Крушение кумиров»

Вся история России показывает, что в ней, в отличие от Европы, основой её благополучия являлось именно духовное начало. Сознание русского народа по своей природе было и остаётся глубоко религиозно-мифологическим. Православие объяснило русскому человеку смысл его пребывания на Земле, ибо дало ответ на вопрос — зачем живёт человек? Ответ этот связан с идеей всеобщего спасения и воскресения. В противоположность и католичеству, и протестантизму именно православное мирозерцание полностью проникнуто идеей всеобщего спасения. А это значит, что достижение материального комфорта и вечной земной жизни для русского человека, в отличие от европейца или американца, не является первостепенной и самодовлеющей целью. Нельзя одновременно служить «Богу и мамоне».

Между тем начиная с 90-х гг. прошлого века в нашей стране средства массовой информации сменили популярный в советское время лозунг непрерывного удовлетворения постоянно растущих потребностей на пропаганду роскоши. Для православных же людей, как верно замечает Э. Афанасьев, стремление удовлетворить потребности в роскоши при бедственном положении других, по учению Отцов Церкви, считается аморальным.

Исходя из этого, «принцип приоритета насущных потребностей населения должен быть принят как основополагающий при выборе направлений разработки и производства новых технических средств, развития сферы услуг, а не только при производстве продуктов питания, одежды и предметов первой необходимости. Возможно, это покажется наивным, но спектр физиологических потребностей не

столь уж широк. Еда, одежда и жильё, если не говорить о роскоши, не столь часто выбирают-ся человеком из массы альтернативных вариантов, хотя промышленность и изощряется в выпуске товаров и предоставлении услуг «на любой вкус». Но вкусы у человека нечасто меняются, и есть с утра до вечера гамбургеры даже самый богатый «россиянин» (как сейчас называют русских и других людей, живущих в России) не захочет. Кроме того, во многих странах богатые люди, отказываясь от сигарет и алкоголя, стремятся потреблять натуральные продукты, носить одежду из простых тканей, жить в деревянных домах. Вот и получается, что ржаной хлеб, лён и ситец, бревенчатый сруб и плетёная корзинка, а также мёд, клюква, грибы на мировых рынках ценнее «Мальборо», «Сникерса» и «Пепси». Приоритет первичных потребностей как принцип формирования рынка антиномичен гедонизму и потребительству» [1, с. 55–67].

Как можно заметить, в данной части своего исследования автор обосновывает идею необходимости ограничения своих потребностей человеком до пределов разумного существования. Только такое самоограничение и может обеспечить нормальные условия жизни человеку в современном обществе. Впрочем, этот принцип приоритета первичных потребностей отнюдь не предполагает отказа от обычных земных благ. Просто эти блага не должны заслонять и вытеснять из сознания человека те ценности, которые составляют основу его внутренней жизни, наполняя её подлинным духовным смыслом и помогая ему двигаться вперёд и вверх. Иными словами, **мы должны ограничить бесконечное расши-**

рение пределов наших внешних потребностей и запросов, являющихся порождением материального мира, для того, чтобы обеспечить рост внутренних устремлений, направленных вглубь нашей души, в целях её самосохранения, саморазвития и самосовершенствования.

Эту же мысль, хотя и в иной форме, высказал и А.И. Солженицын в своей знаменитой Гарвардской речи, произнесённой 8 июня 1978 г.:

«Если бы, как декларировал гуманизм, человек был рождён только для счастья, — он не был бы рождён и для смерти. Но оттого, что он телесно обречён смерти, его земная задача, очевидно, духовней: не захлёб повседневностью, не наилучшие способы добывания благ, а потом весёлого проживания их, но несение постоянного и трудного долга, так что весь жизненный путь становится опытом главным образом нравственного возвышения: покинуть жизнь существом более высоким, чем начинал её. Неизбежно пересмотреть шкалу распространённых человеческих ценностей и изумиться неправильности её сегодняя... *Только добровольное воспитание в самих себе светлого самоограничения возвышает людей над материальным потоком мира*» [курсив мой. — Д.К.] [2].

Однако это самоограничение может быть безболезненно принято обществом и дать положительный эффект только лишь в том случае, если будет опираться на подлинные духовные нормы и ценности, способные стать базовыми основами для формирования новых мировоззренческих установок нашего самосознания, неотъемлемой частью его ментальных характеристик. Об этом также говорил Солженицын. В его трактовке эта мысль выглядит так:

«...Нам не избежать [необходимости] пересмотреть фундаментальные определения человеческой жизни и человеческого общества: действительно ли превыше всего человек и нет над ним Высшего Духа? верно ли, что жизнь человека и деятельность общества должны более всего определяться материальной экспансией? допустимо ли развивать её в ущерб нашей целостной внутренней жизни?

Если не к гибели, то мир подошёл сейчас к повороту истории, по значению равному повороту от Средних веков к Возрождению, — и потребует от нас духовной вспышки, подъёма на новую высоту обзора, на новый уро-

вень жизни, где не будет, как в Средние века, предана проклятью наша физическая природа, но и тем более не будет, как в Новейшее время, растоптана наша духовная. Этот подъём подобен восхождению на следующую антропологическую ступень. И ни у кого на Земле не осталось другого выхода, как — вверх» [2].

Таким образом, и в этой части своего выступления Солженицын говорит о необходимости выработки в современном обществе тех основ, которые **НЕ** относятся к сфере материального производства, обеспечивающего стабильное существование и функционирование человечества, но тем не менее именно от них зависит его экономическое благополучие и процветание. Исходя из этого, очевидно, что любые крупные достижения в материальной сфере человеческой деятельности так или иначе связаны с духовно-нравственными ценностями, являющимися социально значимыми базовыми императивами, детерминирующими поступательное развитие общества. Как справедливо заметил в этой связи В.Н. Шевелёв:

«Весь мировой опыт XX в., все многочисленные исследования того, что позволило различным странам добиться экономического роста, говорят о том, что подъём экономики в значительной степени определяется неэкономическими факторами. Крупнейшие западные учёные убедительно доказывают, что экономический рост в первую очередь зависит не от экономических факторов, а от коллективно разделяемых правил и ценностей, которые царят в обществе, от утвердившихся в нём моделей социального взаимодействия. Речь идёт о неких глубинных вещах-установках, „коллективной идентичности“ и т. п., создающих те загадочные энергетические поля, в которых предопределяется в конечном итоге успех или неуспех конкретного общества.

Иными словами, принципиальное значение для экономического развития имеют вещи, весьма далёкие от экономики. Скажем, является ли в обществе ценностью право собственности или гораздо более важными кажутся гарантии бесплатных социальных благ? Готовы ли люди кооперироваться или радуются, если у удачливого соседа сгорел дом? Воспринимают они друг друга как постоянных союзников или как вечных врагов? В конечном итоге именно разделяемые обществом ценности определяют важнейшие типы экономического поведения.

Они же, эти ценности, закреплены и за ключевыми формами социального взаимо-

действия, среди которых противостоят друг другу сотрудничество, дающее не максимальные, но долгосрочные выгоды каждому, и забота лишь о своей индивидуальной выгоде, позволяющая максимально увеличивать прибыль, но не позволяющая выигрывать в долгосрочном плане. В России, увы, доминирующими по-прежнему остаются непродуктивные формы поведения и взаимодействия. Именно поэтому наша удивительно богатая страна является такой удивительно бедной.

Важно понять, что национальная модернизация не может быть проведена как чисто экономический проект. Для того чтобы сегодня обеспечить реальное развитие страны и её экономики, требуется модернизация общества как такового, необходимо изменение системы ценностей. Только тогда удастся выбраться из нашей вечной „исторической колеи“, выстроить „альтернативную судьбу“» [3, с. 341–342].

Таким образом, в современной гуманитарной науке довольно отчётливо звучит мысль о необходимости увязывания вопросов экономического развития с ценностными установками, которые должны стать базовыми точками опоры при выполнении задач, осуществляемых в рамках модернизационных проектов.

Однако при этом возникает вопрос, как определить те ценности, которые могут реально способствовать усилиям в области модернизации экономики, не нанося ущерба нашей идентичности, а напротив, способствуя её восстановлению. Другими словами, нам нужно выявить те ценности, которые, собственно, и позволяли многие сотни лет позиционировать русский народ как уникальную, неповторимую мировую цивилизацию. При этом необходимо учитывать, что «выявленные ценности, определяющие русский народ как таковой, очевидно, <...> должны быть не просто декларированы, но и ОСОЗНАНЫ большинством народа. Больше того, они должны быть не просто оценены рассудком и одобрены холодным разумом, но и осознаны в такой степени, чтобы войти в подсознание человека на уровень его чувств, стать неотъемлемой составляющей его мироощущения, моральных установок и нравственных ориентиров. Это уже сверхзадача. Усложняется она тем, что... ценностное чувство переменчиво и что сами ценности подвержены историческому изменению.

Как же нам выйти из этого трудного положения? В каком периоде из всей тысячелет-

ней истории России искать нам базовые, основополагающие ценности русского народа? И как определить ту неуловимую грань степени изменчивости ценности, за которой она перестаёт быть базовой, определяющей идентичность конкретного народа, и скатывается в ряды универсальных ценностей, известных, например, по народным прибауткам вроде «лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным»? Тут нам поможет подсказка мудрого человека, нашего современника Аллена де Бенуа в книге «Против либерализма»:

«В современном мире вопрос идентичности стал одной из главных проблем: огромное количество людей не знают, что им делать, потому что они не знают, *кто они есть*. Но было бы ошибочно рассматривать идентичности как некие сущности, которые никогда не меняются. Во-первых, нужно вспомнить, что у традиций тоже было начало, то есть что изначально традиции не были традиционны, и потому не следует путать защиту традиции с “реставрационизмом”. Каждое поколение должно поддерживать своё наследие. Оно есть некая форма коллективного повествования, коллективной истории, которая всё время преобразуется, но всегда остаётся верной себе. Иначе говоря, идентичность — это не то, что никогда не меняется, но то, что определяет нашу специфическую манеру изменяться, то, что нам позволяет изменяться, оставаясь самими собой. Также идентичности не должны быть защищаемы в каком-то шовинистическом плане, на истерический манер. Враг нашей идентичности — это не идентичность другого. Враг нашей идентичности — это идеологическая система, которая разрушает все идентичности.

Изменяйся, но при этом всегда оставайся самим собой! — вот ключ к правильному решению нашей сегодняшней сверхсложной задачи по определению базовых ценностей русского народа на ближайшие десятилетия. При этом очень важно заметить, что только неукоснительное исполнение этих ОБОИХ условий гарантирует нам успех» [4, с. 276–278].

И здесь как никогда ранее может оказаться чрезвычайно актуальным и востребованным культурно-бытовой и этически-деловой опыт старообрядцев. Именно старообрядцы накопили колоссальный опыт успешного выживания в крайне неблагоприятных обстоятельствах внешней среды, сохраняя при этом свою идентичность практически в неизменном качестве. А это значит, что «их» пра-

вославие, в том его настоящем, так же как их продукты и товары, экологически чистом, неиспорченном за более чем тысячелетнюю историю русской церкви виде, должно быть также востребовано и поддержано на государственном и национальном уровне, чтобы в дальнейшем войти в плоть, в кровь и в обиход жизни каждого православного россиянина. Только в этом случае можно будет говорить о настоящем возрождении России.

Между тем сегодня господствующая новообрядческая церковь в силу своего нынешнего состояния едва ли способна пойти на то, чтобы понять и принять точку зрения старообрядцев и тем более сделать её своей собственной, т. е., по сути, не заниматься прозелитизмом и пытаться присоединить их к себе, а самой войти в лоно РПСЦ. И дело здесь заключается не только в принципиальной невозможности возвращения в церковной практике к дониконовскому обряду и дореформенным текстам богослужебных книг. К сожалению, самое главное отличие между новообрядцами и старообрядцами состоит не во внешнем выражении богопочитания, а в существенном изменении мироощущения новообрядцев, секуляризации, т. е. обмирщении церковного быта и сознания, переходе от духовного созерцания к душевным переживаниям. Таким образом, ликвидацию раскола XVII века следует признать гораздо более серьёзной и трудной задачей, чем просто возврат к старым служебным книгам и обрядам.

В контексте данного заключения стоит обратиться к суждению Виктора Белова, который рассматривает вопрос о возможности восстановления традиционного сознания при решении задач модернизации в современных условиях. Предваряя свои размышления по этому вопросу, Белов приводит небольшой, но весьма важный фрагмент из высказывания Л. Бызова, являвшегося руководителем аналитического отдела ВЦИОМ. Последний, приходя к выводу о необратимости процесса разрушения традиционного сознания при решении задач модернизации в современных условиях, ставит очень острые вопросы, главный из которых — вопрос о ценностях, вокруг которых было бы возможно сплотить русское общество. Приведём этот фрагмент и последующее за ним размышление Белова, т. к. они в значительной степени помогают раскрыть суть проблемы и потому чрезвычайно важны для проводимого здесь анализа:

«Как показывают исследования, процесс разрушения традиционного сознания носит необратимый характер, традиционные ценности присутствуют главным образом лишь на “парадном” уровне, наблюдается демифологизация и рационализация массового сознания. Всё это создаёт труднопреодолимые социокультурные барьеры на пути перехода российского общества к стратегии органичной модернизации. Пройдена ли крайняя точка социального распада в современной России? Возможна ли регенерация традиционных ценностей российского общества, вокруг которых интегрировалось на протяжении веков национальное самосознание? Насколько глубоки модернизационные ростки в трансформации ментальности россиян? Вокруг каких ценностей и мифов можно сплотить общество?»

Далее В. Белов продолжает:

«...Л. Бызов ставит в своей работе [«Консервативная волна в России»] очень острые вопросы, и самый главный из них, можно сказать, жизнеопределяющий для русской цивилизации, — это вопрос о ценностях, вокруг которых было бы возможно сплотить русское общество, поскольку только сплочение может спасти его от деградации, распада и гибели. Он же подвергает сомнению идею консолидации русского народа на основе традиционных ценностей по причине их остаточного присутствия “лишь на парадном уровне”. Другими словами, профессиональный аналитик утверждает, что в современном русском обществе имеют место некие декоративные украшения, имеющие формальную схожесть с традиционными обрядами прошлого, но на самом деле это всего лишь дань традиции, которая не коснулась души народа и не несёт никакой внутренней смысловой и духовной нагрузки. Наблюдая окружающую нас жизнь, с этим утверждением аналитика трудно не согласиться. Однако ещё труднее согласиться с тем, что объединение русского народа возможно на базе каких-либо других ценностей, кроме традиционных, например, на базе либеральных ценностей. Для нас уже давно стало совершенно очевидным, что на основе либеральных, индивидуалистских, эгоистических ценностей сплочение русского народа исключено по определению. По крайней мере, прошедшие 20 лет нам это наглядно показали. По сути дела, у нас нет альтернативы — только регенерация, очистка от омертвевших тканей, чужеродных наслоений, привязка

традиционных ценностей к современному дню и последующее осознание и принятие их народом на уровне чувств, ощущений, твёрдой мировоззренческой позиции может вернуть его к настоящей, полной смысла, радости открытий и творчества жизни» [4, с. 285–286].

Автор согласен с этим заключением. Однако при этом возникает вопрос: что же нужно сделать для того, чтобы такая регенерация традиционных ценностей стала возможна?

Чтобы ответить на этот вопрос, очевидно, следует обратиться к анализу аналогичного опыта модернизации в других странах, где экономические преобразования осуществлялись при одновременном сохранении традиционных ценностей, вследствие чего успехи модернизации достигались без ощутимого ущерба национальной идентичности. В рассматриваемом здесь историческом контексте примером такой успешной модернизации является Китай. При всех имеющихся различиях это, пожалуй, едва ли не единственная страна, развивавшаяся в сходных с Россией исторических условиях. «История и современная ситуация в России и в Китае имеют немало общих черт в различных сферах общественной жизни. Следуя своим культурным традициям и общей идеологической линии, обе страны перенимали опыт друг друга и взаимно обогащались» [5]. Это даёт основание провести анализ некоторых основополагающих характерных черт и особенностей, позволяющих уяснить некоторые главные причины, лежащие в основе успешного опыта китайской модернизации.

Этот опыт явился основой так называемого «китайского экономического чуда», благодаря которому эта страна добилась весьма значительных успехов в своём экономическом и социально-политическом развитии. При этом важной отличительной особенностью этих успехов является то, что модернизация в Китае (равно как и осуществлявшаяся несколько ранее модернизация в Японии) происходила без вестернизации, во всяком случае без изменения коренных чувств, верований и мировоззрения людей Востока:

«В настоящее время Китай не копирует западные идеи модернизации общества. Он идёт по самостоятельному пути, основываясь на творческом переосмыслении конфуцианских традиций. Данное утверждение можно продемонстрировать примером политической установки («чжун ти си юн») — “запад-

ные новшества на китайской основе”, которая точно передаёт направленность китайского политического уклада. Китайские современные политики успешно сочетают социалистическую модель с капиталистической. Они формируют собственную модель развития общества и страны в целом на базе местных традиций, богатого исторического прошлого и избирательного использования достижений западной цивилизации. Китайскому руководству удастся сочетать государственное планирование и рыночные механизмы» [5].

Очевидно, что Китай смог осуществить модернизацию экономических и общественных отношений без серьёзного ущерба своей культуре, образу жизни, ментальным установкам, лежащим в основе национальной идентичности, именно потому, что у него была своя мощная культурная традиция. Стержневым ядром этой традиции, как можно было заметить из приведённого высказывания, является конфуцианство, в основе которого лежит идея гармонии принципов личного нравственного самовоспитания и деятельности, направленной на упорядочение господства, во имя создания идеального общества, соответствующего древним образцам.

Не будучи религией в полном смысле слова, конфуцианство — нечто большее, нежели просто религия. Конфуцианство — это также и политика, и административная система, и верховный регулятор экономических и социальных процессов, словом, основа всего китайского образа жизни, принцип организации китайского общества, квинтэссенция китайской цивилизации и китайской традиционной культуры. Неповторимые черты этой культуры, как пишет А.В. Аллаберт, «были обусловлены “официальной” культурой, которая пронизывает всю китайскую духовную традицию, где конфуцианство играло одну из ведущих ролей. Эта “официальная”, “конфуцианизированная” культура не ушла со сцены под натиском революционных процессов; в сферах духовной культуры, этики и морали, традиционного уклада жизни китайцев новый Китай во многом сохранил те ценности, которые были характерны для Китая старого, иными словами, “официальная” культура в определённой степени актуальна и сегодня. Это и определило, по мнению некоторых отечественных исследователей, своеобразие процесса модернизации в Китае с XX в. по сей день» [6].

«Конфуцианские ценности сегодня направляют стремительный порыв иннова-

ционных технологий в нужное русло и чётко, в соответствии с морально-нравственными социальными критериями, способствуют гармонизации развития современного китайского общества. Конфуцианство создаёт баланс между традиционными и инновационными силами. Благодаря этому развитие современного китайского общества становится более стабильным и гармоничным.

Инновационное развитие китайской политико-экономической и социальной системы требует глубокого изучения традиционного уклада жизни китайцев, обращения к традициям конфуцианства» [5].

Именно конфуцианство позволило китайскому народу осуществить экономический рывок и при этом сохранить свои национальные черты и особенности, лежащие в основе его национальной идентичности. Заложенные в конфуцианстве социально-политические нормы всегда являлись основным стержнем, вокруг которого формируется современная модель общественного и государственного устройства КНР. Китайский лозунг «гу взй цзинь юн» — «древность на службу современности», сформулированный ещё в Древнем Китае, демонстрирует преданность традициям, свойственную китайскому менталитету. Именно конфуцианство является не только корнем китайской культуры, но и политическим компасом. Стабильность современного экономического развития и политического уклада можно объяснить гармоничным сочетанием культурно-исторических традиций и технологической модернизации. Успех прогресса кроется в бережном сохранении наследия и его демократических ценностей. Без прошлого не бывает будущего.

Под непосредственным воздействием конфуцианства китайская государственность на современном этапе имеет свои ориентиры развития. В известной конфуцианской книге «Ли цзи» есть такие понятия, как «сяо кан» и «да тун». В переводе на русский язык «сяо кан» означает «средний достаток», а «да тун» — «великое единение». Эти идеалы служат основой для разработки стратегических планов политической, экономической, культурной модернизации китайского общества. Важнейшей целью современной китайской государственной политики, рассчитанной на период до середины XXI века, является формирование общества «среднего достатка», которое впоследствии должно привести к осуществлению идеала общества «великого единения».

Базой для успешного осуществления этой цели является развитие китайского образования. Образовательная реформа в Китае началась в 90-х годах XX века. Её успешное проведение дало толчок для быстрого развития экономики. Изменения в системе образования КНР ориентированы на повышение образовательного уровня всего населения, инновационное развитие науки и техники, внедрение передовых технологий в производство. Сегодня страна занимает первое место в мире по темпам роста вложения средств в эти отрасли. Активно развивается преподавательская, научно-исследовательская, управленческая и хозяйственная деятельность.

Особое значение имеет то, что государственная политика в воспитании молодёжи, формирование нравственных устоев опираются на конфуцианские традиции. Она призвана сформировать гуманитарно развитую личность, признающую выработанные тысячелетним опытом ценности китайской культуры, сохраняющую культурную самобытность и стремящуюся к непрерывному саморазвитию и самосовершенствованию.

Конфуцианство оказывает непосредственное влияние не только на население Китая, но и на мировое сообщество, особенно на страны Азиатско-Тихоокеанского ареала: Японию, Корею, Вьетнам и Сингапур. В качестве альтернативы западному индивидуализму Китай предлагает свой путь развития внешнеполитических отношений, основанный на социально-политическом коллективизме, который предполагает мир, дружбу и гармонию между странами. Именно такое взаимовыгодное и взаимообогащающее сотрудничество способно привести к решению первоочередных задач и глобальных проблем, которые стоят перед мировым сообществом. Конфуцианская идеология оказывает благоприятное влияние на будущее развитие всего мирового социума [5]. Китайский политолог Гэн Хайтянь в качестве основных тезисов своего диссертационного исследования, позволяющих установить роль, место и значение конфуцианства в модернизационных процессах, происходящих в современном Китае, приводит следующие положения:

«1. Современная китайская модель развития общества опирается на этико-политическое учение конфуцианства, основой которого является достижение духовного блага человека. Она может рассматриваться как альтернатива западному проекту

модернизации, ориентированному на материальные ценности.

2. Основопологающие принципы конфуцианской традиции: (жэнь) — гуманность, (ха) — гармония, (ли) — ритуал, (сяо) — почтительность, (дэ) — добродетель, (и) — справедливость, долг, (изюньцзы) — благородный муж и др. Это архетипические черты китайской цивилизации, значение которых остаётся неизменным для китайского народа, что позволяет ей совершенствовать внутренние механизмы самокритики, самопознания и саморазвития. Принципы конфуцианства служат надёжным фундаментом для социально-политического развития современного китайского общества.

3. В ходе проведения модернизации экономики и социально-политической системы складывается современная модель китайского общества. В ней органично сочетаются традиции и инновации. В соответствии с основными положениями модели, важнейшей целью государственной политики Китая, начатой Дэн Сяопином и рассчитанной на период времени до середины XXI века, является реализация конфуцианской идеи «сяо кан» («средний достаток»). Традиционные ценности конфуцианства гармонично сочетаются с принципами социализма, образуя его концепцию с учётом китайской специфики.

4. Некоторые фундаментальные принципы конфуцианства (жэнь, хэ, дэ и другие) имеют важное значение не только для Китая, но и для всего мирового сообщества в целом, так как играют интегративную роль в развитии мирового социума. Современный Китай предлагает свой путь построения внешнеполитических отношений, который основан на социально-политическом коллективизме, мире, дружбе и гармонии между странами. Это способно привести к решению первоочередных задач и преодолению глобальных проблем, стоящих сегодня перед мировым сообществом» [5].

Таким образом, проведённое названным китайским учёным системное исследование конфуцианства и его влияния на социально-политическую жизнь современного Китая позволило глубже понять пути развития китайского общества.

Если после приведённой характеристики социально-экономических преобразований, опирающихся на традиционные ценности конфуцианства, являющегося краеугольным камнем китайского опыта модернизации, обратиться к России, то можно заметить, что

у нас тоже есть нечто похожее. Правда, в отличие от Китая, наша система нравственных ценностей, ориентиров и установок не только не используется в столь же активной форме, а напротив, напрочь забыта и выброшена на задворки истории как давно устаревший, непригодный и ненужный хлам.

В данном случае речь идёт о Домострое. Если сопоставить систему ценностных ориентиров и установок, изложенных Конфуцием, то она во многом совпадает с аналогичной системой, изложенной в Домострое. Несомненно, между обеими системами имеются и значительные различия, главное из которых, по мнению автора этих строк, заключается в том, что если конфуцианство в большей мере обращается к вопросам выстраивания правильных отношений в общественной и административно-государственной сферах, то в Домострое большее внимание уделяется вопросам правильной организации семейно-бытовой и хозяйственной, торгово-производственной сфер деятельности. И, тем не менее и в Домострое, и в учении Конфуция имеется много общих черт. Квинтэссенцией обеих этикорелигиозных систем является *соединение идей о гармонично упорядоченном обществе и идеальном человеке*. Конкретно это выражается в необходимости неукоснительного соблюдения ритуалов с детальным описанием обрядовых правил, которые следует выполнять для совершения каких-либо значимых действий, а также требований почитания старших и соблюдения этических норм и правил поведения в быту, общественных местах и т. д.

Именно следование ритуалу является в обеих традициях источником моральных принципов и их главным критерием, который, однако, должен соответствовать реальности. Консерватизм в отношении к ритуалу, таким образом, не переходит в закоренелость или слепое подражание.

Другими важными составляющими обеих систем являются чувство долга и патриархальность. Патриархальность же в смысле следования традициям в семейных отношениях является обязательной частью человеколюбия. Вообще патриархальность как в Домострое, так и конфуцианском учении является основой моральных отношений в обществе.

Мысль о необходимости возрождения правил, изложенных в Домострое, и повсеместном их внедрении в жизнь современного россиянина может показаться утопичной и нереальной. Но это лишь показывает, насколько далеко

мы оторвались от своих корней, ушли от наших собственных традиционных ценностей и ориентиров, помогавших нашим предкам находить верные решения, обеспечивавшие их нормальную жизнедеятельность в сложных условиях эпохи Средневековья. Отказавшись от своих обычаев, от старых обрядовых норм и правил, составлявших основу нашей традиции, мы утратили связь с прошлым, а вместе с этим утратили и свой национальный облик, свою идентичность и теперь медленно движемся по наклонной плоскости вниз по пути деградации и вымирания.

«Не секрет, что нынешнее состояние русского народа доказывает, что в своей массе он утерял связь с корнями, и его органический рост в рамках национальной жизни и истории прекратился и начался процесс обратный, страшно даже назвать его по имени. Для того, чтобы снова “привиться” к родным и вечно живительным корням, нам необходимо обратить свой взор не в землю, где многие ищут и не находят эти самые корни, а в небеса, где их действительно можно обрести» [7, с. 47].

И если мы действительно хотим создать оптимальные условия для успешного развития по пути модернизации, не утратив при этом окончательно нашу национальную идентичность, мы должны вернуться к своим *подлинным* истокам. Только так мы сможем успешно противостоять агрессивному наступлению мирового зла, реализующего свои коварные цели посредством внедрения западной массовой псевдокультуры с её мнимыми ценностями, и обеспечить уверенное развитие вперёд и вверх к вершинам счастья и процветания, предназначенного нам Свыше.

Первым значительным шагом на этом сложном пути возрождения подлинно национальной традиции, в неизменном виде содержащейся и закреплённой в Домострое, должно стать восстановление исторической правды и справедливости по отношению к древнему православию, а также и к тем, кто в настоящее время является его приверженцами и хранителями. Это значит, что РПЦ в лице Московской патриархии должна признать свою более чем трёх с половиной вековой давности ошибку, оказавшуюся роковой для страны и народа, и принести СОБОРНОЕ ПОКАЯНИЕ перед старообрядцами, однозначно и полностью признав их правоту. Тогда она проявила бы подлинную мудрость и смирение, обеспечив таким образом возможность воссоединения

двух ветвей русского православия и заложив основы духовного возрождения всего народа.

В 1971 году Поместный Собор Русской Православной Церкви торжественно отменил клятвы (анафематствования) на старые обряды и на придерживающихся их. Старые русские обряды были признаны «спасительными и равночестными» новым обрядам. В докладе, зачитанном на Поместном Соборе, Никонова реформа характеризовалась как «крутая и поспешная ломка русской церковной обрядности», предпринятая в силу ошибочного взгляда на обрядовые различия как на различия в вере. Основания для замены двоеперстия на троеперстие объявлялись более чем сомнительными, а воззрение на старые русские церковные обряды как на еретические отвергалось как неправильное и необоснованное [8, с. 43–44].

Неожиданным это постановление Собора может показаться лишь незнакомым с проблемой, в действительности равночестность старых и новых обрядов признавалась церковными властями уже давно. И это не могло быть иначе, поскольку церковная жизнь русского народа, со времени принятия им крещения и вплоть до наших дней, зиждется на вере равноапостольных Владимира и Ольги, преподобного Сергия Радонежского, святителей Петра, Алексия, Ионы, Филиппа и Гермодона, этих несомненных двуперстников (в этом смысле русская церковь укоренена в старообрядчестве). Уже в 1765 году в «Увещании православной католической Церкви» митр. Платона (Левшина) признавалась православность старых обрядов и спасительность их употребления.

В 1800 г. императором Павлом было разрешено и утверждено так называемое Единоверие, при котором старообрядцам, канонически подчинённым священноначалию РПЦ, дозволялось иметь священников для совершения богослужения по старому обряду. Ряд положительных решений по вопросу отношения к старообрядчеству был принят церковными органами в 1906, 1918 и 1929 годах. Таким образом, Собор 1971 г. лишь подвёл итог многолетней дискуссии по старому обряду, а говоря точнее, утвердил решения Священного синода, принятые ещё в 1929 г.

Пожалуй, можно сказать, что исполнилось то, о чём писал в 1912 г. известный церковный историк, профессор Московской духовной академии Н.Ф. Каптерев:

«Осуждение собором 1667 года, руководимого двумя восточными патриархами, русского старого обряда было, как показывает

более тщательное и беспристрастное исследование этого явления, сплошным недоразумением, ошибкою и потому должно вызвать новый соборный пересмотр всего этого дела и его исправление в видах умиротворения и уничтожения вековой распри между старообрядцами и новообрядцами... чтобы Русская Церковь по-прежнему стала единою, какою она была до патриаршества Никона». Но если старые обряды равночестны новым, то, прежде всего, напрашивается вывод, что Никонова реформа была вообще не нужна?.. Именно это и подтвердил профессор Ленинградской духовной академии протоиерей Иоанн Белевцев в своём докладе на 2-й Международной церковно-научной конференции, проходившей в Москве 11–19 мая 1987 г.: *«Никонова реформа была богословски необоснованной и совершенно ненужной»* [8, с. 43].

Много русских православных людей было погублено за верность традиционному православию. Протопоп Аввакум, возглавивший сопротивление преступной реформе, ныне предстал перед нами великим русским человеком, национальным героем, мучеником. Смысл его духовного подвига в том, что он не обладал гибкой совестью. Это скромное словосочетание несёт в себе необъятный философский и мировоззренческий смысл.

«Всегда, во все времена людям с гибкой совестью было легче жить. Подлаживая её под обстоятельства, желания сильных мира сего, можно избежать многих житейских и общественных бурь, сохранить себя, свою семью и имущество для спокойной жизни. Здесь спрятал поглубже свои убеждения, там переступил, пусть ненамного, нравственный закон или не встал на защиту друга, хотя знал наверняка его невиновность... Ради себя, ради своих детей, ради своего будущего почему не поступиться малым, чтобы сохранить, убежать, спасти главное?!

Так думают, рассуждают и поступают многие, почти все. И лишь немногие, единицы поступают иначе. Они как провидцы могут просчитать глубинные последствия маленького шага, позволившего чуть-чуть свернуть с прямого пути. Но оказывается, что вернуться назад на прямую дорогу уже невозможно. Сила обстоятельств уводит всё дальше и дальше. И приходит время, когда уже невозможно определить, где был тот небольшой шаг, повернувший тебя, твою семью, твою страну к пропасти, из которой нет спасения» [9, с. 181–182].

Исходя из этого можно сделать предположение, что в реальной жизни весьма часто бывает так, что какая-либо мелочь оказывается способна приводить к глобальным последствиям. И очень редко какое-либо действие приводит лишь к единственному результату; наоборот, довольно часто всего один поступок вызывает целый каскад последствий в самых разнообразных сферах. А изменение церковно-обрядовой практики в данном случае оказывается именно такой причиной, которая приводит к очень далеко идущим многоплановым последствиям. И, как было показано в данной книге, последствия эти оказали далеко не лучшее воздействие на судьбу нашего народа. В этой связи можно привести высказывание В. Ларионова, который, цитируя известного французского философа Жозефа де Местра, замечал:

«Христианину непозволительно забывать, что этот мир лежит во зле и <...> “состоит только из насилия; но мы испорчены современной философией, которая заявляет, что всё хорошо, в то время как всё осквернено злом и — по справедливости — всё плохо, ибо ничего не стоит на своём месте. <...> Прежде всего, когда человеческая душа утратила свою энергию из-за изнеженности, неверия и гангренозных пороков, сопутствующих излишествам цивилизации, эта душа способна вновь быть закалена только кровью”. <...> Будущее русского народа может спасти только обращение к “вечно мужественному”, к героическим архетипам соборной памяти. Мне могут бросить в лицо обвинение, что я сгущаю краски, что дела у русского народа при современном правительстве пошли на поправку, в школах учат настоящую русскую историю, русская культура возводится на пьедестал, ей отдают должное сильные мира сего и дальше будет лучше. При таком положении дел лучше не будет. Из боязни нарушить свой покой мы готовы одурманиваться заботливо предложенным дымком исторического оптимизма либерального или квазипатриотического кальяна. **Нет более опасного яда для нашего народа, чем необоснованный оптимизм** [выд. мной. — Д.К.]. Наша материальная культура последнего восьмидесятилетия была и продолжает быть враждебной нашему народу. <...> Настоящая русская культура почти при издыхании. Ещё более испорчена цивилизация Европы, где дела с традиционной культурой обстоят ещё хуже, но на которую нам неустанно предлагают равняться.

Первое, что нам необходимо, это вернуть наше культурное наследие в повседневный обиход и обрести чувство священной духовно-телесной связи с предками, с расой, метафизическую связь с родной землей. Русский народ в древности обрёл цельность духа, которая вела его через все испытания трагической и героической истории... Национальная история в поисках истины должна опираться на более глубокие силы национальной души, корнящиеся не столько в историческом пространстве и времени, сколько в мифическом пространстве вне времени» [7, с. 18–20].

Силы такого рода и качества можно найти у старообрядцев, поскольку именно у них, в их интеллектуальной среде параллельно аналогичному процессу в отечественной философии складывалась своя русская национальная идея, которая смогла преодолеть противоречия славянофильства и западничества и установила единство национально-религиозного чувства в отношении дела и государства. И хотя при этом религиозный аспект у старообрядцев был существенно менее выражен, чем в работах российских философов, но, оставаясь в основе духовного строя выходцев из староверческой среды, он не разрывал свою связь с национальным чувством, участвуя в консолидации национально-религиозной гражданственности предпринимателей, создававших новую Россию на рубеже веков [10, с. 228].

В целом же, характеризуя деятельность старообрядцев после церковного раскола, можно сказать, что они внесли своеобразную струю в русскую духовно-культурную мысль, многое сделали для сохранения старины. Они были более грамотными, чем никониане. Старообрядчество продолжило древнерусскую духовную традицию, предписывающую постоянный поиск истины и напряжённый нравственный тонус. Особой популярностью у староверов пользовались труды Иоанна Златоуста (IV в. н. э.), где они находили ответы на многие волновавшие их вопросы о соотношении труда и богатства, потребления и воздержания, воспитания и образования, роли мирского духовенства и монашества в жизни общества. Вопросы эти были поставлены самим ходом развития России, и приверженцы старой веры, выходцы из народной среды, пытались проблемы социально-экономического характера разрешить в рамках религиозно-этического воспитания сограждан и очищения церкви [11, с. 3].

«Вопреки усиленно насаждавшемуся их противниками образу, старообрядцы, даже пребывая в отдалённых от центров “цивилизации” местах, благодаря своему острому переживанию истории как сакрального процесса умели быть в центре событий всемирной истории последних трёх столетий, часто предвосхищая их развитие в своих сочинениях. Это, в частности, относится и к диагнозу, поставленному ими современной цивилизации, — идее о “духовном антихристе” как тотальном отступлении человечества от христианских принципов и ценностей, ярко выразившемся в десакрализации мира, обмирщении культуры, господстве бездуховности и материализма, подавлении духовной свободы» [12, с. 299].

Автор считает, что бесценный духовный опыт, который староверы вынесли из своего «ухода», должен стать достоянием всего человечества, — это последний шанс не только для находящейся в глубоком кризисе России, но и для агонизирующего Запада, уже основательно забывшего о своем христианском происхождении. «...Уникальный опыт староверия должен быть воспринят не просто как информация для размышления, а как руководство к действию, как образ жизни, поскольку традицией нужно именно жить» [12, с. 8–9, 299]. Отрицательное отношение к традиции и традиционализму, зачастую подменяемому понятием застоя и косности, не позволяет за формой увидеть сущность явления. В хорошо забытом старом оно мешает выделить новое содержание, в изменившихся условиях жизни ставшее прогрессивным.

Одним из возможных воплощений возрождённой и творчески переосмысленной традиции могло бы стать создание совместных «товариществ (братств) по вере», занимающихся осуществлением реорганизации общественно-экономических и духовно-нравственных отношений. Эти товарищества, устроенные по принципу корпорации, могли бы быть сформированы по подобию общины староверов-беспоповцев с совместным проживанием мужчин и женщин по любви, а не по расчёту или „писаному закону“, с попечением всех народившихся детей и всех стариков и немощных за счёт общины. А устроенные таким образом общины купцов — староверов-беспоповцев на Руси, как правило, были богаты [13, с. 162]. На такой основе могла бы осуществляться подлинная модернизация нашей жизни, которая обеспечивала

бы её развитие в правильном направлении и отвечала бы настоящим интересам нашего народа. Создание таких товариществ — братств на вере могло бы основываться на многовековом опыте хозяйственной жизнедеятельности старообрядческих общин.

Завершая эту работу и пытаясь представить возможный альтернативный вариант развития России в случае, если бы церковная реформа не была осуществлена в той форме, как это было сделано в реальности, автор пришёл к следующему. Деятельность старообрядцев после раскола XVII века, осуществивших

в определённой пусть и в ограниченно неполной степени, тенденцию, опиравшуюся на духовную традицию Древней Руси и основанную на началах *просветительно-почвеннического консерватизма*, показывает, что подобное развитие могло обеспечить России гораздо более прочное положение и значительно более успешное существование, благодаря которому она могла занять по-настоящему достойное и подобающее ей место среди других цивилизаций, что могло соответствовать её действительному предназначению и историческому призванию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Афанасьев Э.О. О некоторых православных принципах формирования рыночной экономики. Вопросы экономики. 1993; № 8: 55–57.
2. Речь Александра Солженицына в Гарварде, 1978 г. [Текст электронный]. URL: https://oblacy.info/ru/306-soljenicin_rech-v-harvard_ru/. (дата обращения 24.02.2025 г.).
3. Шевелёв В.Н. Всё могло быть иначе: альтернативы в истории России. Ростов н/Д: Феникс, 2009. 349 с.
4. Белов В. Управление мировоззрением. Подлинное и мнимые ценности русского народа. СПб.: ИТД «СКИФИЯ», 2012. 392 с.
5. Гэн Хайтянь. Конфуцианство и его влияние на социально-политическую жизнь современного Китая : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 [Место защиты: Дальневост. федер. ун-т]. Уссурийск, 2011. 199 с.: ил. РГБ ОД, 61 11-23/347.
6. Аллаберт А.В. Место конфуцианства в модернизации Китая (конец XX — начало XXI в.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 : Санкт-Петербург, 2003. 181 с. РГБ ОД, 61:04-7/178-1 // dslib.net.Исторические науки. Всеобщая история (соответствующего периода).
7. Ларионов В.Е. Сокровенный путь в Беловодье. М.: Яуза, Эксмо, 2005. 416 с.
8. Кутузов Б.П. Церковная реформа XVII века: трагическая ошибка или диверсия? // Церковь. 1992. № 1. С. 43–44.
9. Шорникова И.Н., Шорников В.П. Боярыня Морозова. Самара. 2007. 192 с.
10. Керов В.В. Духовный строй старообрядческого предпринимательства: альтернативная модернизация на основе национальной традиции // Экономическая история: ежегодник. 1999. М. РОССПЭН. С. 195–234.
11. Вышегородцев В. Старообрядческий капитализм // Былое. 1997. № 6. С. 3.
12. Кожурин К.Я. Духовные учителя сокровенной Руси. СПб., Питер. 2007. 320 с.
13. Кашанский А.В. Россия 2015–2044. Путь к Белому царству. М. : АСТ: Восток – Запад, 2006. 174 с.

REFERENCES

1. Afanas'ev E.H.O. O nekotorykh pravoslavnykh principakh formirovaniya rynochnoj ekonomiki. Vo-prosy ehkonomiki. 1993; № 8: 55–57.
2. Rech' Aleksandra Solzhenicyna v Garvarde, 1978 g. [Tekst ehlektronnyj]. URL: https://oblacy.info/ru/306-soljenicin_rech-v-harvard_ru/. (data obrashcheniya 24.02.2025 g.).
3. Shevelyov V.N. Vsyo moglo byt' inache: al'ternativy v istorii Rossii. Rostov n/D: Feniks, 2009. 349 s.
4. Belov V. Upravlenie mirovozzreniem. Podlinnye i mnimye cennosti russkogo naroda. SPb.: ITD «SKIFIYA», 2012. 392 s.
5. Gehn Khajtyan'. Konfucianstvo i ego vliyanie na social'no-politicheskuyu zhizn' sovremennogo Kitaya : dis. ... kand. polit. nauk : 23.00.02 [Mesto zashchity: Dal'nevost. feder. un-t]. Ussurijsk, 2011. 199 s.: il. RGB OD, 61 11-23/347.
6. Allabert A.V. Mesto konfucianstva v modernizacii Kitaya (konec XX — nachalo XXI v.) : dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.03 : Sankt-Peterburg, 2003. 181 s. RGB OD, 61:04-7/178-1 // dslib.net. Istoricheskie nauki. Vseobshchaya istoriya (sootvetstvuyushchego perioda).
7. Larionov V.E. Sokrovennyj put' v Belovod'e. M.: Yauza, Ehksmo, 2005. 416 s.
8. Kutuzov B.P. Cerkovnaya reforma XVII veka: tragicheskaya oshibka ili diversiya? // Cerkov'. 1992. № 1. S. 43–44.
9. Shornikova I.N., Shornikov V.P. Boyarynya Morozova. Samara. 2007. 192 s.
10. Kerov V.V. Dukhovnyj stroj staroobryadcheskogo predprinimatel'stva: al'ternativnaya modernizaciya na osnove nacional'noj tradicii // Ehkonomicheskaya istoriya: ezhegodnik. 1999. M. ROSSPEHN. S. 195–234.
11. Vyshegorodcev V. Staroobryadcheskij kapitalizm // Byloe. 1997. № 6. S. 3.
12. Kozhurin K.YA. Dukhovnye uchitelya sokrovennoj Rusi. SPb., Piter. 2007. 320 s.
13. Kashanskiy A.V. Russia 2015–2044. Put' k Belomu tsarsstvu. M. : AST: Vostok – Zapad, 2006. 174 s.

Дмитрий Викторович Кузнецов — кандидат исторических наук, доцент, преподаватель университетского колледжа агробизнеса Омского государственного аграрного университета имени П.А. Столыпина; dv.kuznetsov@omgau.org.

Dmitry Viktorovich Kuznetsov — candidate of historical sciences, associate professor, instructor at the university college of agribusiness of the Omsk state agrarian university named after P.A. Stolypin; dv.kuznetsov@omgau.org.

Статья поступила в редакцию 23.06.2025 г.